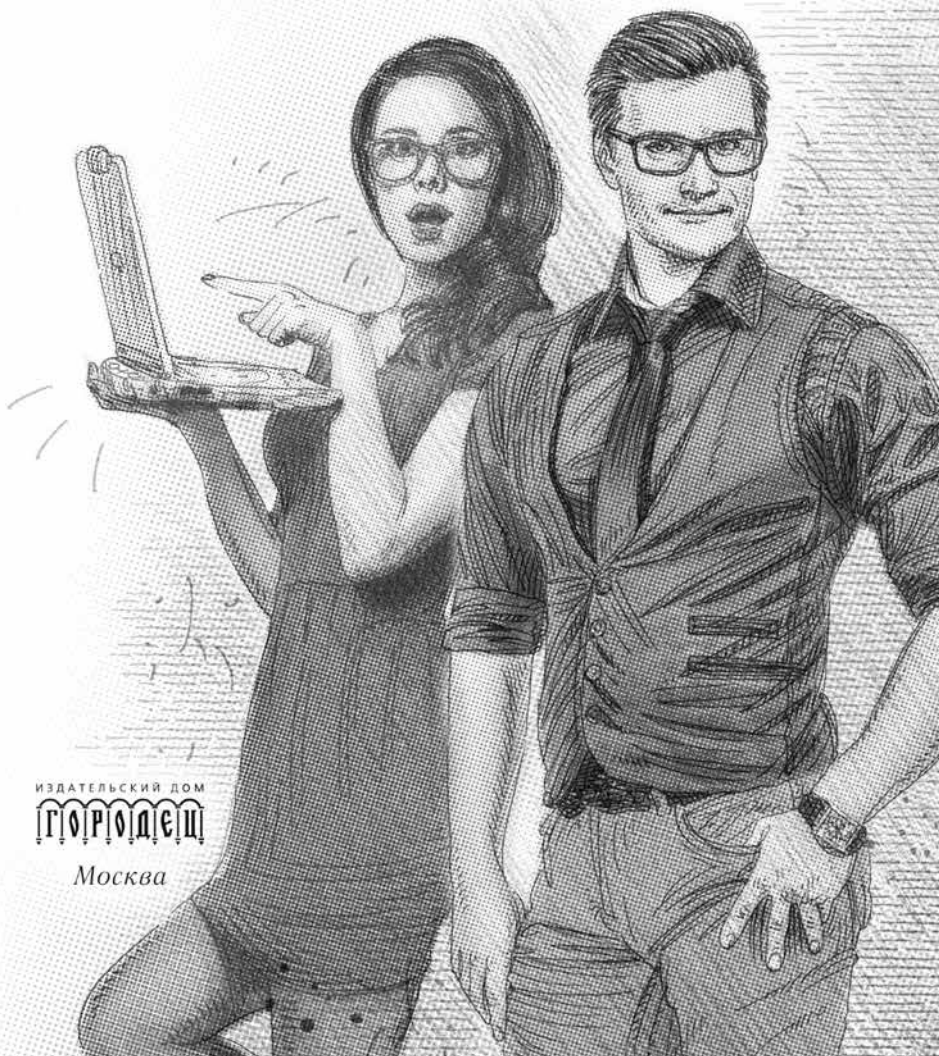




АЛЬ
ДЖАЛИ

**ГЕМОРРОЙ,
или ДВУЧЛЕН
НЬЮТОНА**

АЛЬ
ДЖАЛИ
ГЕМОРРОЙ,
или ДВУЧЛЕН
НЬЮТОНА



ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ГОРГОДЕЦ

Москва

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
А56

*Составитель серии Андрей Геласимов
Художник Кирилл Прокофьев*

Аль Джали

А56 Геморрой, или Двучлен Ньютона. Роман. — М.: ИД «Городец», 2019. — 216 с. (Серия «Ковчег».)

«Мир таков, каким его вколачивают в сознание людей. А делаем это мы — пиарщики».

Автор этого утверждения — пофигист Мика — живет, стараясь не обременять себя излишними нормами морали, потому что: «Никого не интересует добро в чистом виде! А если оно кого и интересует, то только в виде чистой прибыли». Кажется бы, Мика — типичный антигерой своего времени, но, наравне с цинизмом, в нем столько обаяния, что он тянет на «героя своего времени».

Так кто же он — этот парень, способный сам создавать героев и антигероев в реальности, давно ставшей виртуальной?

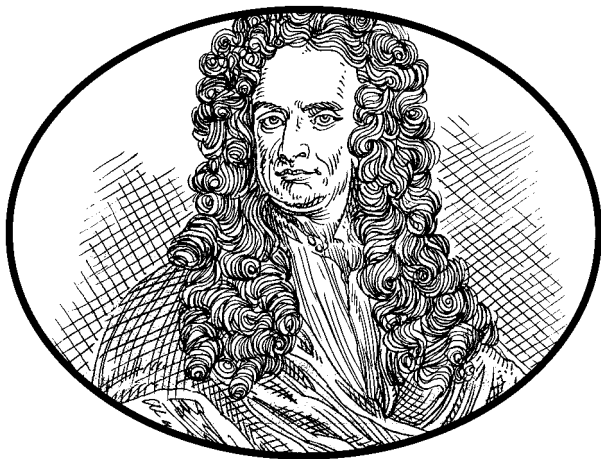
ISBN 978-5-907085-29-9

© Аль Джали (Мартиросян), 2019
© ИД «Городец», 2019

Все — фигня, но кое-что — офигенно!

Столько лет столько разных людей прилагали столько усилий, чтобы он рос и мужал, выкручивая при этом мои нервы, высасывая из меня соки и исторгая мою кровь, пока наконец, перейдя границы мыслимых размеров, он не принудил меня к ответным мерам.

Оружием в этой битве, как у джедаев, служил луч лазера.



Обрезание

К своему геморрою я никогда не испытывал зла. Более того, именно благодаря ему я понял, почему коронная фраза американцев — «Береги свою задницу», а не, к примеру, «яйца». До какого-то времени я считал, что все мои беды от чертова желудка, поэтому, когда во время очередного похода к врачу обнаружилось, что у меня язва, только пожал плечами, мол, чего было ждать от этого внутреннего врага, от этой пятой колонны. Впрочем, оказалось, что у меня язва двенадцатиперстной кишки с обескураживающе поэтическим названием — целующаяся. Как человек креативный я оценил это и потому отнесся к ней с нежностью. Я позволил своему врачу экспериментировать и не задавал ему лишних вопросов по поводу его шаманств. В результате мы с моими лесбийскими язвочками — а именно так я их и представлял — расстались без ножа.

С геморроем мои отношения складывались иначе. Обнаружил я его где-то лет в шестнадцать, из-за неожиданно появившегося зуда и дискомфорта. Как раз в этот период я потерял девственность и почему-то решил, что два этих события — зуд в заднице и обретение мужественности — связаны

между собой. В смысле, я решил, что подцепил какую-то гадость от своей партнерши «не первой свежести». Конечно, я поступил как последний дурак — вместо того, чтобы пойти к врачу или спросить у парней, отправился к «этой сучке». Сперва она решила, что я зашел как клиент, потом долго ничего не могла понять, потому что, как мальчик из интеллигентной семьи, я выражался эвфемизмами. Когда до нее наконец дошло, она с минуты лупилась на меня, потом зашла в ржачке. Мою интеллигентность как рукой сняло. Отборным русским матом я сказал все, что думаю о ней. Она, довольно хмыкнув, буркнула:

— Умеешь же, когда хочешь. Валяй, снимай штаны.

— Пошла ты, — заорал я, — с чего ты взяла, что я хочу?!

— С чего ты взял, что я даю бесплатно?! — нагло ответила она. — Давай обнажай задницу, посмотрим, что там у тебя.

С горя я так и сделал. На той самой постели, где неделю назад мы кувыркались, она обследовала мой зад, потом, хлопнув по ягодице, сказала:

— Порядок! Геморрой.

Я был в шоке и оттого глупо брякнул:

— Врешь!

— Ну, — пожала она плечами, — на тебя не угодишь.

Ладно, давай выметайся!

Но я все еще был в шоке и оскорблен до глубины души — вместо нормального триппера я подцепил потешный геморрой. Поэтому поступил в лучших мужских традициях — как скотина. Завалил ее на постель и отымел от души. Бесплатно!

* * *

Геморрой круто изменил мою жизнь. Я влез в инет и прочел все, что только нашел о нем. Радостного было мало,

а обнадеживало разве что: на задницу бывают приключения похуже моих. Из негатива было то, что, как всегда при чтении симптомов любой болезни и ее причин, кажется, что все это есть и у тебя. Только одну можно было исключить однозначно — тяжелые роды. Возрадовавшись, что хоть эта напасть меня миновала, я с помощью зеркал внимательно исследовал свою нечаянную радость. Ничего устрашающего. Ну, прыщ и прыщ. Разумеется, я не внял совету, вычитанному в инете, — обратиться к врачу. Меня переполняло счастье — я не подцепил ничего венерического! Кстати, с тех пор я всегда соблюдал правила сексуальной гигиены. Я мог забыть купить зубную пасту, но резинки были всегда распиханы по углам и карманам. Вот так всегда в жизни и бывает — фантомный страх оказался сильнее, чем реальный. Вместо того чтобы заняться реальным геморроем, я воздвиг бастионы на пути возможной венерической заразы.

Оскорбленный геморрой, наверное, решил отомстить. Но я тогда об этом не догадывался. Я думал, что в человеке только один орган живет абсолютно суверенной жизнью — пенис: хочет и может только тогда, когда лично ему вздумается. Это потом я понял, как много у них общего.

Ну, в общем, к врачу я не обратился, ни с кем ни о чем не посоветовался, просто купил свечи и мази. Немного пользовался, а потом забыл. Не до того было — экзамены на носу и с мамой что-то творилось. Мать у меня еще тот фрукт. Четыре языка, три диплома, столько же официальных мужей, не считая промежуточных. В общем, типичный образец PR воспитания, ну, типа, бери от жизни все, ты лучше всех, будь секси и прочая муть. Папаша ее — мой Дед — воцще был хиппи. Так что, когда он пытался ее воспитывать, она совала ему в нос его прошлое. Понятно,

что я рос без отца, а моя мать — без матери. Было забавно, когда Дед в пылу спора орал, что пацан даже не знает, кто его отец, на что мать отвечала, что тоже не знает, кто ее мать. Как это Дед умудрился все так обставить, я до сих пор не понял, но факт остается фактом — кем была моя бабка, было неведомо ни мне, ни моей маме.

Тогда я и начал читать. Ну, во-первых, чтобы не слушать их ор, во-вторых, чтобы самому понять то, о чем мне не говорили. Я ложился на диван, цеплял наушники, ставил на тощий живот ляп-топ и углублялся в инет. Хвала Создателю за него — он заменил мне все и всех. Инет — это мир, который не мстит и не наказывает за ошибки. Наверное, это и есть рай.

В общем, я решил стать пиарщиком. Маме и Деду чуть не лопнули со смеху, но я был достойный их выкормыш, даром, что ли, столько лет слушал их диспуты. Словесную перепалку я выиграл. Дед, кстати, у меня академик-химик. Конченный хиппи и неначавшийся террорист, как говорит маме. Короче, свое отбытие в Израиль с очередным мужем она объяснила тем, что не может смириться с моим выбором. Это было шито такими белыми нитками, что мы с Дедом даже не стали выступать. В общем, испортили ей прощальную гастроль. В аэропорту маме разрыдалась и заявила, что всех нас заберет позже. Дед не выдержал и сказал, что не стоит нарушать едва установившийся баланс. Мать гордо отчалила. А мы зажили беспросветно счастливо, почти как в инете — никакого ора и выяснения отношений. Два мужика, сплавивших свою... Ну, ладно, не буду переходить границ.

* * *

Шеф был еще та сволочь! Наши отношения не наладились сразу и навсегда. Я это понял, когда она — ну да,

шеф был бабой — в пылу спора заорала: «Вот геморрой на мою голову!» Я выпятил нижнюю губу. Этой привычкой я обзавелся сознательно, чтобы нервировать оппонентов. Я выпятил нижнюю губу и сказал: «Вообще-то геморрой бывает на заднице. Так что разберитесь... где у вас что». И вышел, даже не хлопнув дверью. Эту дуру бесило, что я блатной. А то другие были другими! Просто их привела она или ее знакомые, а меня сосватал Дедова приятеля сын, которому нельзя было отказать. Кошмар для дуры заключался в том, что я был не идиот и — о ужас! — даже талантлив. Нет чтобы радоваться, что кот в мешке не осел, так нет, она бесилась от этого.

В общем, я отправился домой и стал разглядывать свою задницу. За этим занятием меня и застукал Дед, который, как оказалось, был не на работе, как ему полагалось, а приперся уж не помню зачем. Ну, в общем, картина получилась та еще! С минуту стояла тишина: Дед как в гипнозе смотрел на мой оголенный зад, а я из-под промеж ног — на Деда, отражавшегося в зеркале. Потом он вышел. Молча! Вот что значит выдержка человека, прошедшего через все!

Я натянул штаны, пошел помыть руки и отправился к себе в комнату. Сперва мне было любопытно, как развернутся события, потом я подумал, что так мерзко повела бы себя madre и, из духа противоречия, сменил тактику. Взял коньяк, бокалы и постучал к Деду. Последнее я сделал из вредности, типа, стучать надо перед тем, как зайти. Так как его дверь была открыта, то не понять мой намек было невозможно. Дед сидел перед компом и гонял шары. Отдых интеллектуала. Я разлил коньяк и спросил:

— Ну и что ты подумал?

— А что, есть версии? — ответил он, не глядя на меня.

— Выкладывай свою. — Я был непримирим, мне надо было на ком-то сорвать свою злость на шефа. Дед сам подставился. Но он был не лох и оставался верен своему принципу «докурить сигарету». Ну, в смысле не принимать решений сгоряча, выкурить сигарету, типа тайм-аут для остывания и размышления. Смех, да и только — кроме марихуаны в юности он ничего не курил. Но красивые формулировки любил. Чертов старый латентный пиарщик. Это я так со зла подумал, потому что понял, что мне становится его жаль, а расслабляться было нельзя.

— Ну? — спросил я.

— Отвали! — неожиданно ответил он. — Я ни в чем тебя не виню. Мы с твоей матерью сделали все, чтобы ты стал уродом.

— Так... — сказал я. — Так ты меня считаешь уродом?

— Нет, до недавнего времени благодарил Бога, что он хранит тебя.

Неожиданно по Дедовой щеке скатилась слеза, и я не выдержал. Обнял его и почувствовал, как затряслись его плечи.

— Ну ты что, Дед! — заорал я. — Совсем захимичился?! Геморрой это, понимаешь?! Проклятый геморрой, я его разглядывал, чтобы...

Дед напрягся, потом оттолкнул меня и сказал:

— Снимай штаны!

Черт, совсем как та шлюшка в юности. Ну, в общем, все было как тогда. Деда я, правда, не трахнул в эпилоге — ему и так досталось в преамбуле.

Окончив осмотр, Дед влил в себя коньяк и выдохнул: «Сукин сын!» «Ну не умеют люди обращаться со словами и их смыслом», — проснулся во мне пиарщик. Сперва сволочь шеф, теперь вот Дед. Ему я, конечно, не напомнил,

чья дочь сука, сын которой я есть. Дед — класный мужик, и я его чертовски люблю. В общем, мы надрались, в смысле, напились и пошли по бабам.

Тогда я не обратил внимания на фразу, сорвавщуюся с его губ во время «техосмотра»: «Черт! Как писька младенца!» Но, как оказалось, она просочилась в мое подсознание и странным образом переориентировала меня.

* * *

Как я уже говорил, в шестнадцать лет, узнав о своем геморрое, я решил познакомиться с ним поближе. Стал читать о нем, вздрагивал, когда при мне произносили это слово, и, вообще, пытался понять, почему одно упоминание о нем вызывает смех? Никто не смеется над раком, язвой, СПИДом, гриппом, ангиной. Почему геморрой — это так смешно? Только потому, что он на заднице? А чего смешного в ней? У женщин, кстати, по каким-то опросам, мужская задница считается более сексуальным символом, чем член. Может, и врут. Но ведь не смеются. В смысле эротики. А в смысле геморроя... Постепенно я проникся к нему симпатией. Когда Дед сказал, что мой похож на письку младенца, я потом много экспериментировал. Ну, в смысле, как мой отросток реагирует на секс-образы. Оказалось все наоборот — не я заводил геморрой, а он меня. С каждой новой телкой я, без ее ведома, играл в свою игру. Словом, когда, лаская, она почти подходила к геморрою, я сжимал ягодицы, и мой член как по команде вздыбился. Я проделывал обратное с каждой новой женщиной, чтобы понять, как там у нее. Если она резко или коварно отводила меня от запретной зоны, я понимал, что у нее геморрой. Конечно, никто из них не признавался в этом и на мое «Почему нет? У тебя что, геморрой?» несли ахи-нею типа оральный секс — это... Мура, в общем. Только

одна девчонка сразу отреагировала на мое «Почему нет?» очень четко: «Потому что геморрой». Я настолько не ждал такого, что после секундной паузы заржал. Она даже не обиделась.

— Чего ржешь-то? Сволочи вы, мужики. Одно зло от вас.

— Не понял.

— А что понимать? Знаешь, у скольких женщин геморрой после родов появляется.

— Так у тебя ребенок? — удивился я.

— Нет. Но ведь когда-нибудь будет.

— Ясно. А геморроем заранее обзавелась, чтоб, значит, не обидно было заработать как все... из-за сволочи. Ну вы, бабы, даете! Слушай, покажи, а.

— Зачем? Ты что, хирург или извращенец?

— Не, просто, если любишь человека, любишь его целиком, — приторно изрек я.

— Надо же! — хмыкнула она. — Я думала, мы просто трахаемся... Ладно, покажу, если придумаешь ему слоган.

Черт! Вот ведь какая девчонка. В общем, я перевернул ее на живот и раздвинул ягодицы.

— Если ты способен любить свой геморрой, значит, способен любить вообще, — сказал я, думая, что брякнул первое, что пришло на ум.

Но она была еще та штучка. Перекатившись на спину, она выгнулась и промурлыкала:

— А теперь свой показывай!

Я вылупил глаза, а она хмыкнула:

— Ладно, не надо быть психологом, чтобы понять — такой эстет, как ты, уродством просто так не интересуется. Так что уговор дороже секса. Давай показывай.

Ну, я и показал.

— Н-да, — присвистнула она, — микрочлен. Ну, малыш, эт прям бином Ньютона.

— Чиво?

— Бином — это двучлен. Не помнишь что ли, из математики?

— Точно! Здорово! Отличный слоган. За мной должок.

— Вот и не откладывай, — проворковала она и навалилась сверху.

* * *

Выборы — самое жирное время для пиарщиков. Это их час икс, когда всеобщее презрение к их пустопорожней деятельности обретает высокий смысл. Точнее — дорогой. В нашей сфере, как и в любой другой, гении — редкость. Что не мешает остальным микромэнам считать себя таковыми, но просто непонятыми. И то верно, как тебя может понять «тупая скотина» (а это массовое явление среди избираемых), априори считающая, что народ — быдло, противники — козлы, пиарщики — сволочи, даром пожирающие его деньги. Большинство из нанимателей, вместо того чтобы слушать нас, заставляют нас слушать себя. Говнюк, которого мы окучивали, предполагался на вторые-третьи роли будущего парламента, поэтому его презрение ко всем и всему было гипертрофированным. Шеф часами проводила среди нас тренинги, как не реагировать на его заскоки. Главный тезис сводился к следующему: «Пусть клиент думает, что имеет нас, когда мы реально имеем его». Но этот козел доводил даже ее. Само собой, шеф отыгрывалась на нас. Принцип волны.

В один из периодов у меня разыгрался геморрой, и я не пошел на встречу в составе «команды». Эта сука потом позвонила и орала так, что я отключил телефон. Тут-то я и придумал, как отомстить. Дело в том, что у нас не ладился слоган, отчего козел бесился, а сучка истекала желчью.

Ну, я и нашел решение... креативное. Фамилия соперника нашего козла была — Большой. Его пиарщики затрахаали электорат, выжимая из нее все, что можно, типа «большой взлет», «большие надежды» и прочую муть. В общем, я со своим приятелем состряпал ролик, кончавшийся фразой: «Выбор, приятель, всегда за тобой, но не забудь про большой геморрой».

Мультик получился что надо. Прикольный. Типа реклама нижнего мужского белья — не придерешься. Но я использовал цвета соперника, некоторые узнаваемые элементы его предвыборной кампании, да и сам персонаж чем-то неуловимо смахивал на Большого. И запустил свой шедевр в ютуб — с чужого компа, чтоб следов не нашли. На следующий день город стоял на ушах! Чернуха сработала. Инет торчком торчал. А соперник... Ну что ему было делать — не в суд же подавать, чтоб вообще кончиться. Недельные опросы показали скачок рейтинга нашего козла. А я думал, какое это все дерьмо — выбирать между двумя злами, да еще и надувать на одно из них оболочку псевдодобра.

В общем, через пару дней наш заказчик вызвал всех нас к себе и, поливая презрением, заявил, что в наших услугах больше не нуждается. Шефиня пробовала что-то вякать, но он ее и слушать не стал. Тогда я сказал:

— Напрасно вы так. Всем же ясно, что ваш рейтинг вырос из-за черного пиара, а вы нам типа велели этим не заниматься.

— Ну и? — спросил козел. — И не отрицаю. Мы же не имеем к этому отношения.

— И потом, — вклинился главный жополиз из особо приближенных нашего работодателя, — с чего вы решили, что дело в ролике, а не в реальном отношении электората к нашему уважаемому...

Но я не дал ему кончить свой лизок и грубо перебил:
— Еще как имеем. Этот ролик склепал и запустил я.

Ну и фейсы были у присутствующих! Шефиня даже рот ладошкой прикрыла. У кандидата, наоборот, челюсть отвисла. И только настырный жополиз не унимался:

— Вы понимаете, что сделали?!

— Рейтинг поднял, — пожал я плечами.

— Да вы просто хотите присвоить себе чужие лавры, — не унимался тот.

Тогда я выложил все непроверяемые технические доказательства и сказал, чтоб их компьютерчики попробовали опровергнуть. Наконец вмешался наш козел, попытавшийся отмазаться от нас. Ну, ясно, пока мы собачились, он просчитал, что до конца кампании три дня, рейтинг его вряд ли переломить, связываться с чернухой не стоит, да и платить не придется. Но не на тех напал! Мы, пиарщики, — хуже акул пера, мы пираньи чужих мани (круто сказанул!). Если попался нам на зубок, пиши пропало. Словом, шефиня убрала ладошку с губ и алчно усмехнулась:

— Значит, так: чек на стол и кенсл. А то за три дня...

— Вы не имели права без нашего ведома, — начал начальник штаба. Но мадам перебила:

— А вы в суд подайте.

— Зачем?! — гнушно усмехнулся тот. — Мы с вами потом...

Неправильное это слово — «потом», недопустимое в нашем деле. Словом, шефиня взвинтила «выходное пособие». Мы уже были у дверей, когда кандидат изрек:

— А вас, молодой человек, попрошу остаться.

Ну, знаменитая сцена Штирлиц и Холтоф у Мюллера. Я заметил, как напряглась шефиня, но — плевать, сама виновата, нафиг всегда подчеркивала, что я не член команды.

В общем, никто не остался внакладе. Благодаря мне, кстати. Мои бывшие сослуживцы сорвали жирный куш, кандидат прошел на выборах, я получил у него прибыльную и нехлопотную работенку, электорат... Но это уже не мой геморрой.

* * *

Вляпался я как последний лох! Может, я и впрямь страдаю нарциссизмом? Он так и сказал: «Старик, ты страдаешь нарциссизмом». И гнусно усмехнулся. Имел право, ведь я покраснел как рак, пытающийся показать, что на дух не переносит пиво. Что за бред я несу?! В общем, когда кретин Степка из клана компьютерщиков застукал меня в раздевалке перед зеркалом в позе... позу описывать не буду... Случай с Дедом меня ничему не научил — я наступил на те же грабли. Откуда этот кретин взялся в бассейне?! В это время там никого не бывает. А какого хрена меня туда занесло? Ну, словом, когда я увидел в его руках трубку, у меня крыша поехала — я представил, что он выложит снимок в ютуб и... Я тупо прыгнул на Степку.

Он этого не ждал и не был готов к атаке, иначе мне не удалось бы так легко повалить его и овладеть телефоном. В смысле, завладеть. Блин, при чем тут это?!

Говорят, в минуту опасности в человеке просыпаются скрытые резервы, и он способен на немыслимые рекорды. Я доказал это! Пока Степка корчился на полу, я надел один башмак и растоптал его трубку в крошки. Степка выл как самка гориллы, у которой увели самца.

— За что?! Сука! Это же суперсмартфон! — Вот этого ему не стоило говорить.

— Это подделка! — усмехнулся я. — Настоящий смартфон не распендрючить.

— Кедом, — автоматически исправил он. Даром что ли, филфак кончал.

— Кедой! — голосом самца орангутанга победно заключил я, напоследок еще раз прыгнув на остатки трубки.

— Тебе это даром не пройдет! — прошипел Степка. — То, что я увидел, станет достоянием общественности.

— Вау! — кривлянулся я. — И не мечтай! Бездоказательно!

Я плюнул на ошметки трубки, переступил через Степкино тело и отправился в бассейн. Я был горд собой! Я плавал как довольный индюк. Я и был индюком! Глупым и самонадеянным. Ибо индюкам не дано плавать. А через два дня я получил по почте фото... да что фото, целую фотосессию с места происшествия. Там были и снимки того, как я разглядываю свой многострадальный зад, и то, как я лупцую Степку, и то, как я отделяваю проклятую трубку.

Причем последнее выглядело как стриптиз, трубки-то видно не было!

Я покрылся холодным потом, потом горячим, потом снова просмотрел фотки, потом вытащил, внимательно изучил, не понимая, какого хрена я хочу там увидеть. Хрен, впрочем, был на высоте! (Черт, опять тянет на слоган!). Тогда в раздевалке я и не заметил его боевого настроения.

Блин, о чем это я! При чем тут это?! Мало мне было проблем с геморроем, так теперь и эта хрень! Или хрен?! Словом, полный двучлен! И что мне теперь с этим делать?!

Я отправился к компьютерщикам и поманил Степку. Он с ужасом уставился на меня и нырнул под монитор. Я шагнул в их поганный отсек. Степка решил, что я намерен прилюдно его поколотить, и угрем выскользнул в коридор. Поскольку диалога не было, его собратья даже не оторвались от своих присосок. Я молча двинул по коридору, поманив Степку за собой. У себя в кабинете я сел за

комп и открыл папку, куда покидал фото со сценами расправы. Свою обнаженку, разумеется, стер.

— Блин! — выдохнул Степка. — Как это ты сделал?! — В его глазах не было страха и неловкости, только охотничий азарт. — Ты же был голый! У тебя что, камера была в задую?

Я занес руку, но Степка успел отскочить. Я встал, запер дверь, снова сел и уставился на Степку. Моего фирменного взгляда — помесь гадливости и презрения с полувыпяченной губой — он не выдержал и заскулил:

— Ты чего, шантажировать меня собрался? Блин, не ожидал от тебя такого! — Он еще что-то нес, типа падения до нулевой отметки его рейтинга уважения ко мне и прочая, и прочая. Мне было плевать, я не слушал, я смотрел на него. Наконец мне стало ясно, что Степка реально не имеет к этому отношения. Но отпустить его просто так, не использовав, было бы непрофессионально.

— Козел ты, — заботливо сказал я, — чего мне тебя шантажировать? Я тебя поймел как мужчина и... Но-но! — шикнул я, уловив его праведный гнев. — В смысле, отмудохал. В смысле, сломал твой смарт. И забыл. Но, похоже, был среди нас третий, ибо, как ты справедливо заметил, камера могла быть только в моей заднице. А ее там не было.

— Откуда мне знать? — мстительно вставил он. Я решил проигнорировать, он ведь был мне нужен. И я спросил его отеческим тоном:

— Степ, я хоть и голый на снимках, но и ежу понятно, кто тут сверху, а кто снизу.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он, уставившись в монитор.

— Это образное сравнение, — как мог, успокоил его я. — Я имел в виду, что при любом раскладе я выгляжу гоголем, а ты тряпкой. Так что надо понять, кто этот самый третий.

— А чего он хочет? — спросил Степка.

— Не знаю.

— Ну, так или иначе, а хочет он, наверное, от тебя, — сказал Степка, — ты же выглядишь таким... гоголем.

— Степ, напрасный стеб! — усмехнулся я, отметив, как красиво сложилась фраза. Он тоже отметил — профи, он и в дерьме профи. А мы были именно в этой субстанции, о чем я не преминул ему напомнить и завершил:

— Есть несколько вариантов. Первый: ты прав, и ему что-то нужно, именно от меня. Но не радуйся, ибо, поскольку в это дерьмо я угодил из-за тебя, то не намерен барахтаться там один. Вариант второй: начал этот тип с меня, а потом дойдет и до тебя. Так, может, стоит принять превентивные меры?

— Что ты имеешь в виду?

— Блин, затрахал! Третий раз задаешь тот же вопрос!

— Второй!

— Степ, — проигнорировал я, — ты можешь отследить, кто послал эту хрень? Ты понял, что я имею в виду?! Вот, садись за мой комп и давай!

— Зачем? — искренне удивился этот урод. Я молча стал расшнуровывать кеды. — Я имел в виду, — затараторил Степка, видимо, ненавидевший мои кеды больше, чем конкретно меня, — что тут и думать нечего. Если камера не была в твоей заднице, значит, она была в раздевалке. И, судя по ракурсу снимков, не одна.

Я так и остался в полусогнутой позе. Мне было стыдно. Мне было стыднее даже, чем при виде своих снимков ню. Впрочем, там я выглядел гоголем, а здесь — недоумком, ведь даже недоумок Степка «на раз» дедуктивно решил проблему, а я просто трясся от страха и ничего не мог придумать. Ну и кто из нас после этого Холмс, а кто Ватсон?

Впрочем, стыд стыдом, но лицо надо было сохранять, и, медленно выпрямившись, я обратился к Степе со вздохом, как к недоумку:

— Ну наконец и до тебя дошло, где были камеры. Bravo, Ватсон! Теперь, когда ты растормошил свои извилины, надеюсь, оставишь мою задницу в покое и, может, подумаешь и о том, как нам достать пленку и заткнуть шантажиста?

— Зачем? — искренне удивился гаденьш. — Может, это не шантаж, а прикол?

Я понял, что Степка почему-то уверен, что эта байда имеет отношение не к нему, а ко мне, и, значит, нафиг ему париться. Он был прав. Я встал и молча открыл дверь. По лицу Степки было видно, что он не верит в искренность моего жеста. Но он решил не тянуть кота за хвост и бочком вышел из кабинета.

Я недолго думал, как ему отомстить, — надо просто послать ему те же фотки. Не с моего компа, так как бывший филолог, а ныне компьютерщик Степка сразу бы врубился, от кого месседж. Я закинул фотки на флешку, чтобы отослать их из интернет-кафе с наскоро созданного адреса, и выключил комп.

* * *

Когда я пришел в себя, то увидел Степкин фейс в смазе. Рядом расплывались еще какие-то. Я закрыл глаза и открыл их, только почувствовав «леца» на щеке. Это меня встряхнуло, и я сел. Голова гудела. Я схватился за нее и почувствовал на лбу рог. Вот только этого нароста мне и не хватало. Я глянул в зеркало в шкафу и увидел на лбу шишку неопишуемой цветовой гаммы и величиной с брелок от моих ключей. Но главное было не в этом. Главным была та гамма ощущений, которая отпечаталась на лицах моих сотрудников. Я понял, что лучший тест на проверку

Содержание

ОБРЕЗАНИЕ	5
ПИРАНЬИ ПИАРА	44
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПРЕЗЕРВАТИВ	100
АНТИЛУЗЕР	161

Читайте книги ИД «Городец»

Составитель серии А. Геласимов
«Ковчег». Сборник рассказов



Произведения, представленные в сборнике «Ковчег», трогают до самой глубины души, показывая нам нас самих, но под иным углом, с другой точки зрения. Обычные истории, рассказанные необычными людьми. Истории о любви, привязанности, ответственности и о сложности выбора, его последствиях. Истории, живущие в каждом из нас.

Голоса, собранные не случайно, говорящие совершенно по-разному, но об одном. Голоса, звучащие в унисон. Голоса, заставляющие смеяться и плакать. Они буквально кричат со страниц о том, что не все еще потеряно, что никогда не поздно стать настоящим и искренним человеком.

Поиск правильных идеалов, надежда на лучшее, вера в незыблемые истины — таковы жизненные ориентиры героев первого сборника серии «Ковчег».

ISBN 978-5-907085-15-2

www.gorodets.ru

Читайте книги ИД «Городец»

Составитель серии А. Геласимов
«Отведи всему начало». Роман



Отведи всему начало — роман о первой любви, взрослении и воспитании чувств. О дружбе, ответственности и становлении личности. О герое, который сумел сделать правильный выбор в трех ключевых моментах достаточно сложных жизненных ситуаций, что определило всю его дальнейшую жизнь.

Время действия: начало 2000-х. Место действия: рабочий городок в Свердловской области и Санкт-Петербург.

ISBN 978-5-907085-22-0

www.gorodets.ru

Литературно-художественное издание

Аль Джали

**ГЕМОРРОЙ, или
ДВУЧЛЕН НЬЮТОНА**



Выпускающий редактор Е. Пучкова

Редактор Б. Геласимов

Корректоры О. Наренкова, О. Шепитько

Компьютерная верстка Е. Климентьева

Художник К. Прокофьев

Подписано в печать 10.09.2019. Формат 60×90/16

Печ. л. 13,5. Гарнитура «Journal».

Тираж 1000 экз. Заказ

«Издательский дом “Городец”»

105082, г. Москва, Переведеновский пер., д. 17, к. 1

www.gorodets.ru, e-mail: info@gorodets.ru

тел.: +7 (985) 8000 366

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография».

Филиал «Чеховский Печатный Двор».

142300, Московская область,

г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1,

www.chpd.ru,

тел. +7 (499) 270 7359



«Мир таков, каким его вколачивают в сознание людей. А делаем это мы – пиарщики». Автор этого утверждения – пофигист Мика – живет, стараясь не обременять себя излишними нормами морали, потому что: «Никого не интересует добро в чистом виде! А если оно кого и интересует, то только в виде чистой прибыли». Кажется бы, Мика – типичный антигерой своего времени, но, наравне с цинизмом, в нем столько обаяния, что он тянет на «героя своего времени». Так кто же он – этот парень, способный сам создавать героев и антигероев в реальности, давно ставшей виртуальной?



ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ГОРОДЕЦ

ISBN: 978-5-907085-29-9



9 785907 085299

www.gorodets.ru